

К вопросу о междисциплинарных направлениях для анализа проблематики экономического суверенитета государства

О.Ю. Болдырев

В статье рассматриваются два вида междисциплинарных направлений: направления на стыке конституционного и международного права («наднациональное» и «интеграционное» право, «глобальный» и «многоуровневый» конституционализм) и направления на стыке экономической науки с юриспруденцией («экономическое право», «экономический анализ права»), в том числе более узко – на стыке с конституционно-правовой наукой («конституционная экономика», «экономическая конституция»). Делается вывод о том, что «экономический анализ права» и «конституционная экономика», претендуя на анализ права с помощью экономической методологии, редуцируют понимание последней лишь до методологии «mainstream». Показано, что методологически наиболее близким для юристов направлением экономической науки является так называемый «классический» институционализм, а для юристов-конституционалистов – «институциональная политическая экономия», в рамках которой предлагается развивать «политико-экономический анализ права» (как методологическую альтернативу «экономическому анализу права») и «конституционную политическую экономию» (как методологическую альтернативу «конституционной экономике»).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экономический суверенитет, интеграционное право, экономическое право, правовой институционализм, конституционная политическая экономия.

БОЛДЫРЕВ Олег Юрьевич – кандидат юридических наук, кафедра конституционного и муниципального права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

oleg211291@bk.ru

Статья поступила в редакцию 10 августа 2018 г.

Цитирование: *Болдырев О.Ю.* К вопросу о междисциплинарных направлениях для анализа проблематики экономического суверенитета государства // Вопросы философии. 2018. № 12. С. 58–68.

Глобализация, интеграционные и дезинтеграционные процессы актуализируют проблематику суверенитета в особенности экономического. Век назад О. Шпенглер на вопрос, должна ли в будущем торговля управлять государством или государство торговлей, отвечал: управлять должно государство. Однако сегодня в торговых и иных международных экономических отношениях «соотношение между внешними и внутренними факторами развития национальных хозяйств принципиально изменяется в пользу первых» [Сильвестров 2004, 19], и на большинство государств «распространяется ... экономическая... воля и даже экспансия более сильных государств», что не позволяет говорить об обладании ими суверенитетом в полной мере [Пастухова 2013, 65].

К тенденции десувенизации государств представители различных дисциплин подходят по-разному. Если в науке о международных отношениях и политологии ее оценка – предмет дискуссий, то с конституционно-правовой точки зрения проблема очевидна: конституции большинства государств в прямой или косвенной форме закрепляют государ-

ственный (а в ряде случаев и народный) суверенитет [Чиркин 2015, 32], соответственно, процессы десуверенизации подрывают базовые принципы конституционного строя. Аналогично, если экономисты спорят о степени участия государства в экономике и целесообразности тех или иных мер экономической политики (например, вхождения в торговые союзы, накладывающие ограничения на право государства защищать внутренний рынок), то для конституционалистов главное — сохранение у государства самой возможности принимать решение об использовании тех или иных мер. Конституционалист ставит вопрос концептуально: допустимо ли принимать обязательства, лишаящие в будущем власти и народ права определять степень и направление государственного участия в экономике (по сути — экономического суверенитета)? В юридической доктрине суверенитет относят к «ценностям высшего порядка» [Ереклинцева 2010]; более того, Конституционный Суд РФ относит к числу «конституционно-значимых ценностей» и непосредственно «экономический суверенитет Российской Федерации» (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23.04.2004 № 8-П), давая тем самым конституционно-аксиологическое обоснование его ценности. Таким образом, если в других общественных науках вопрос, является ли суверенитет ценностью или анахронизмом («пережитком Вестфальской эры»), дискуссионный, то для правоведа «характерна “апологетика” государственного суверенитета» [Ефремов 2017, 11].

Однако в юридической науке нередко происходит смешение «сущего» и «должного». Постулируя сохранение суверенитета в качестве должного, правоведа часто уходят от анализа сущего (угроз суверенитету), прикрываясь доктринальными конструкциями (о том, что принятие международных обязательств — не ограничение государственного суверенитета, а его реализация; что суверенитет — понятие правовое, и речь о юридической, а не фактической независимости; что суверенитет — дискретное свойство государства, и он либо есть, либо его нет, что он неотчуждаем и т.д.) или терминологией (говоря о передаче на наднациональный уровень «части государственных полномочий», а не суверенитета). Но это лишь камуфлирует проблему и не содействует выработке инструментария для ее решения.

Другая причина, по которой многие правоведа не замечают актуальных угроз суверенитету, — отказ от признания категории «экономический суверенитет» [Пастухова 2013, 362–363], выделяемой по критерию объекта и анализируемой в экономической и политологической литературе [Ершов 2005; Zhongying 2005 web]. В юридической науке доминирующей остается классификация суверенитета по критерию субъекта с выделением «государственного», «народного» и «национального» суверенитетов, притом что понятие «экономический суверенитет» уже используется не только в трудах юристов (прежде всего, международников) [Блищенко, Дориа 2000], но и в российских нормативно-правовых актах.

В результате для многих юристов, занимающихся вопросами суверенитета, фиксация в Конституции государственного суверенитета заслоняет ряд концептуальных вопросов. Например, можно ли считать суверенными государства, связанные в своей экономической политике международными обязательствами, срок действия которых значительно превышает срок полномочий принявшей их власти? В том числе концессиями, ограничивающими возможность государства полноценно распоряжаться своими природными ресурсами (даже при формальном закреплении государственной собственности на них). Или государства, чьи центральные банки под предлогом их «независимости» выведены из-под контроля парламента и проводят несuverенную финансовую политику? Или государства, чья промышленность встроена в иностранные технологические цепочки в роли производителя продукции с низкой добавленной стоимостью; привязанные к зарубежным стандартам и комплектующим, к зарубежным платежным системам и программным продуктам; критически зависимые от импорта и т.д.? Или государства, связанные в определении экономической политики требованиями зарубежных кредиторов? Или государства, чьи нормативно-правовые акты, в том числе касающиеся мер социального обеспечения, должны быть отменены, если юрисдикционный орган ВТО сочтет эти меры избыточными?

Учитывая различие подходов экономистов, международных (политологов и юристов) и конституционалистов к проблематике экономического суверенитета, ее анализ целесообразен в рамках междисциплинарных направлений.

1) Направления на стыке конституционного и международного права, поскольку глобализация и интеграционные процессы все серьезнее усиливают их конвергенцию [Умнова 2006]. В их рамках целесообразно исследовать трансформацию подходов к «суверенитету», идею возможности «ограниченного суверенитета», проблемы отчуждения части суверенитета в пользу наднациональных образований; вызовы глобализации не только для государственного, но и для народного суверенитета и самой демократии (здесь сближение с проблематикой, исследуемой философами, социологами и политологами, в частности, с анализом того, что Ю. Хабермас называет «транснационализацией народного суверенитета» [Хабермас 2013, 50]).

2) Рассмотрение же проблем обеспечения именно *экономического* суверенитета государства требует расширения методологического инструментария за счет использования междисциплинарных направлений на стыке юридической (конституционно-правовой) и экономической наук.

Остановимся на этих направлениях подробнее. Определенное стирание граней между международным и конституционным правом началось с возникновением ЕС — «новой публично-правовой формы, к которой не всегда подходят классификации, сложившиеся в науке государственоведения» [Чиркин 2015, 24–25]. От международно-правового анализа природы ЕС (учрежден на основе международных актов и т.д.) исследователи перешли к попытке его конституционно-правового анализа [Марченко, Дерябина 2017, 6–48] как образования, имеющего власть, органы и верховенство (некоторые авторы говорят о «конституционно-правовых нормах ЕС», регламентирующих «ограничение суверенных полномочий государств-членов» [Бартоле 2004, 159]). В то же время складывается школа исследователей, считающих, что природа ЕС и не международно-правовая, и не конституционно-правовая, а «наднациональная». Другие авторы отмечают, что его право не исчерпывается «наднациональной составляющей», а В.Е. Чиркин пишет о «государствоподобной власти» и предлагает называть подобные объединения региональными международно-государственными образованиями [Чиркин 2015, 25].

Несмотря на все дискуссии, консенсус среди ученых-правоведов в выделении «наднационального» права и его отделении от международного практически достигнут. Используется и термин «интеграционное право» [Интеграционное право 2015], понимаемый, однако, по-разному: как синоним «наднационального права», как право интеграционных образований и т.д. Представляется, что в подобном понимании отражается в первую очередь взгляд юристов-международников, но для конституционалистов возможен и иной подход к пониманию интеграционного права — как совокупности конституционно-правовых норм, устанавливающих и регулирующих возможность и пределы участия государства в «межгосударственных объединениях» (ст. 79 Конституции России), «межгосударственных образованиях», «межгосударственных учреждениях», международных организациях и «организациях коллективной безопасности», «союзах» и т.п. (как это поименовано в конституциях других стран), процедуры вступления и выхода из них и т.д.

Встречные попытки перенесения конституционно-правовых конструкций на межгосударственный уровень и влияние международных «стандартов» на конституционное право суверенных государств, а также взаимовлияние конституционного законодательства различных государств привели к возникновению категории «глобальный конституционализм» [Wiener et al., 2012] (используются и иные термины: «world constitutionalism», «transnational constitutionalism» и т.д.), к выделению конституционно-правовых аспектов интеграционного права [Василевич, Василевич 2015]. А передача рядом государств своих конституционных полномочий наднациональным органам и организациям получила определение «многоуровневого конституционализма» [Уитц, Шайо 2018].

Одни исследователи позитивно оценивают процесс формирования «конституционализма вне государств» и «международного конституционного права»; другие высказывают

тревогу, что это влечет «потерю национальными конституциями качеств главной формы права, закрепляющей государственный суверенитет и право государства самостоятельно определять основы государственного и общественного строя» [Умнова (Конюхова) 2016, 67]. Таким образом, возникло противостояние между «конституционными глобалистами» и «локальными конституционалистами», отстаивающими идеи государственности, суверенитета и национальных интересов [Halberstam 2012, 150–202]. Показательно, что Ю. Хаббермас, рассматривающий постепенное признание верховенства наднационального права в качестве очевидной тенденции, отмечает широко распространенное в Европе убеждение, что существующая в том или ином государстве степень свободы и социальной справедливости неразрывно связана с его традициями, поэтому граждане заинтересованы, «...чтобы гарантиями этих достижений оставались их государства, не подвергаясь риску вмешательства со стороны новой и незнакомой наднациональной политической структуры» [Интернационализация 2017, 57].

В части же междисциплинарных направлений, связывающих экономику и право, получают развитие направления на стыке экономической науки как с юриспруденцией в целом (с одной стороны, «экономический анализ права» [Познер 2004], известный также как «law & economics»; с другой стороны, «экономическое право» [Мирошник 2016] и др.), так и более узко – на стыке с конституционно-правовой наукой («конституционная экономика» [Конституционная экономика 2010], «экономическая конституция» [Концепция 2008], «экономический конституционализм» [Бондарь 2017] и т.д.).

Однако в основе данных направлений лежат различные подходы. В основе «экономического права» (не путать с «экономикой права», чаще понимаемой как синоним «экономического анализа права») лежит преимущественно юридический подход, и разрабатывается оно в основном юристами. Но если одни понимают под ним частное право, то другие – публичное либо мегаотрасль, включающую нормы и публичного, и частного права [Ершов, Ашмарина, Корнев 2015; Талапина 2004]. Хотя в последнем случае выделение «экономического права» дискуссионно с точки зрения доминирующего в отечественной теории права критерия выделения отраслей права по предмету и методу (за исключением, конечно, «международного экономического права», уже традиционно выделяемого в качестве отрасли международного публичного права), однако преимуществом данного подхода может стать возможность комплексно анализировать межотраслевое (включая отрасли и публичного, и частного права) правовое регулирование экономической сферы.

В основе же «экономического анализа права» лежит преимущественно экономический подход (хотя среди основателей данного направления были и юристы), который и сам претерпел эволюцию. Как известно, на смену политической экономии в качестве основной экономической дисциплины пришла *economics*, предмет которой был сужен за счет устранения этических и политических аспектов, а также «таких беспокоящих вопросов, как распределение доходов и богатства, структура власти и социальная справедливость» [Ефимов 2013, 19] (хотя, например, английский философ и экономист конца XIX в. Генри Сиджвик, напротив, предлагал сфокусировать внимание на изучении именно этических аспектов, играющих, по его мнению, в экономической науке определяющую роль). Отбросила *economics* и анализ исторически сменяющихся друг друга экономических систем, сконцентрировавшись исключительно на рыночной [Бузгалин, Колганов 2012].

Economics изменила и метод исследования, отказавшись от применения методологии других общественных наук в пользу построения математических моделей, что частично связано с сужением предмета исследования. Так, по мнению А. Московского, абстрактное определение предмета экономической науки Л. Роббинсом как «отношения между целями и ограниченными средствами», вошедшее в учебники, стало методологической предпосылкой для необоснованной гиперболизации математических методов исследования экономики [Московский 2013, 110]. Расширить методологию *economics* попыталась институциональная экономика (так называемый «классический» институционализм), снова применив методологию других общественных наук. В частности, значительное внимание праву уделял один из ее основателей Дж. Коммонс.

На смену «классическому» институционализму пришел «неоинституционализм», напротив, применивший «экономическую методологию» (практически редуцированную до методологии математизированной неоклассической микроэкономики) к другим общественным наукам и сферам жизни, что является ярким примером так называемого «экономического империализма». Таким образом, «неоинституционализм» в противоположность «классическому» институционализму расширил предмет исследования, но оставил узкую методологию *economics*. Однако именно в рамках неоинституционализма возникли многие направления на стыке экономической и юридической наук («экономический анализ права», «конституционная экономика»).

В принципе, «экономический анализ права» мог бы охватывать широкий круг вопросов: анализ экономических детерминант законодательных новаций; того, оформлением какого курса экономической политики (или соответствующего какому экономическому учению) является принятие тех или иных нормативно-правовых актов или конкретных норм; чьим экономическим интересам соответствует то или иное законодательное регулирование; и, наконец, анализ права с помощью экономической методологии. Но основатели «экономического анализа права» сконцентрировались на последнем. Однако реально данная методология является не экономической, а лишь методологией *mainstream'a*, то есть лишь одной (пусть сегодня и доминирующей) из групп экономических школ, притом что, как показывает С.В. Королев, основные принципы *mainstream* не соответствуют основным принципам теории права (принципам справедливости, правового государства) – ей ближе некоторые неортодоксальные экономические школы [Королев 2017].

Российские юристы расходятся в отношении к «экономическому анализу права». Противники считают экономическую методологию неприменимой к анализу права, не замечая лукавство самого термина «экономическая методология». На самом деле, главный недостаток экономического анализа права в том виде, как он сегодня существует, не само по себе применение экономической методологии к правовым явлениям, а редукция понятия «экономическая методология» до методологии *mainstream'a*. Учитывая идеологизированность экономической науки, правильнее было бы постулировать возможность использования в «экономическом анализе права» методологической палитры различных экономических школ.

Концепции «экономического права» и «экономического анализа права» могут лишь в незначительной степени быть применены к проблематике экономического суверенитета государства. В большей степени она может быть объектом исследования в рамках «международного экономического права» и более специализированных концепций на стыке экономической и конституционно-правовой наук (поскольку именно последняя уделяет особое внимание проблематике суверенитета). Как и в случае с междисциплинарными направлениями на стыке экономической науки и юриспруденции в целом, одни из них возникли в недрах экономической науки, хотя и отделились от нее («конституционная экономика», «экономическая конституция»), а другие имеют чисто правовой характер («конституционные основы экономики», «экономический конституционализм»). Однако, учитывая, что «конституционные основы экономики» не более чем подраздел / подотрасль конституционного права, а концепция «экономического конституционализма» только зарождается, остановимся подробнее на двух основных направлениях: «экономическая конституция» и «конституционная экономика».

Категория «экономическая конституция» многозначная, по-разному понимаемая в различных общественных дисциплинах [Андреева 2010, 9–13]. Выделим основные подходы к пониманию данной категории.

1) «Экономическая конституция» как *экономическая* концепция школы немецкого ордолиберализма.

2) «Экономическая конституция», как совокупность конституционно-правовых норм и/или базовых принципов и/или основополагающих нормативно-правовых актов, регулирующих экономические отношения.

3) Экономическая конституция как метафора [Мозолин, Баренбойм 2009].

4) Экономическая конституция, как нормативный акт, попытки разработки которого известны истории.

5) «Теория экономической конституции» как конституционно-правовая концепция (хотя вышедшая из экономической школы ордолиберализма). Одни исследователи подвергают критике и саму концепцию, и попытку замещения ею традиционных для отечественной науки «конституционных основ экономической системы» [Чиркин 2016, 11–13]; другие считают, что ее преимуществами являются пригодность для условий рыночной экономики, в рамках которой она развивалась, системное единство и целостность [Андреева 2016, 13].

Не отрицая, что разработчики концепции «экономической конституции» придали ей единство и целостность и что она получила наибольшее развитие применительно к анализу рыночной экономики, подвергнем сомнению три тезиса.

Во-первых, тезис об отрицании возможности подобной целостности в рамках «конституционных основ экономической системы» (не случайно используется термин «система»). Упрек же, сформулированный Г.Н. Андреевой в адрес недостаточной четкости термина «экономическая система», обращен, скорее, к другим наукам (Г.Н. Андреева сама же пишет: «...определение понятия “экономическая система” *экономической* наукой не разработано, что является, в том числе, следствием отсутствия общепринятой формулировки *в теории систем*» [Концепция 2008, 91]) и не исключает возможности уточнения значения данного термина в науке конституционного права.

Во-вторых, тезис об отрицании применимости «конституционных основ экономической системы» для анализа рыночной экономики. Из того, что данный раздел конституционного права получил развитие в советский период применительно к анализу плановой экономики, представляется, еще не следует его непригодность для анализа иных экономических систем (подобно тому как то, что концепция «экономической конституции» получила развитие применительно к анализу рыночной экономики, не стало препятствием ее применения и к анализу иных экономических систем, на что сама же Г.Н. Андреева обращает внимание [Концепция 2008, 21–23]). Скорее, вопрос в том, какая терминология является более привычной для того или иного государства.

В-третьих, тезис об абсолютизации рыночной экономики как единственного объекта исследования. Не вдаваясь в дискуссию о плюсах и минусах различных экономических систем, подчеркнем, что при переходе от плановой экономики к рыночной (и наоборот) юридическая и экономическая наука не должны отказываться исследовать ушедшие или иные потенциально возможные системы (хотя и не должны отказываться от задачи анализа системы действующей).

Однако все сказанное выше не принижает значение многочисленных научных работ в рамках концепции «экономической конституции». Более того: возможно, что в рамках этой концепции получит развитие анализ категории «экономический суверенитет».

Теперь подробнее остановимся на «конституционной экономике». Как и «экономический анализ права», она «отпочковалась» от неинституциональной экономики. Представляется, что ее «отец» Дж. Бьюкенен не был нейтральным исследователем — он был носителем определенной идеологии (сторонником индивидуалистической философии и индивидуалистического метода в экономических исследованиях и известным борцом с кейнсианством) и идеи анализа политической и конституционно-правовой сфер при помощи «экономической» (а, по сути, как и в «экономическом анализе права», неоклассической) методологии: яркий пример — его «теория общественного выбора», в рамках которой политическая сфера — аналог рынка услуг. Идея базировалась на двух редукциях, характерных для неинституционализма в целом:

1) политико-правовой сферы — до аналога рынка;

2) понятия «экономическая методология» — до методологии *mainstream'a*, далеко не всеми экономическими школами разделяемого.

Представляется, что теория Дж. Бьюкенена в некоторой степени вульгаризирует политико-правовую модель, подменяя конституционные отношения рыночными. Ча-

стично это признавали и создатели «конституционной экономики», открыто призывавшие к созданию «гражданской религии», которая «отчасти возвратит нас к характерному для XVIII в. скептическому отношению к политической деятельности и правительствам и которая, вполне естественным образом, сосредоточит наше внимание на правилах, ограничивающих деятельность правительств, а не на инновациях, оправдывающих все возрастающее вмешательство политиков в жизнь граждан». Как отмечает В.М. Ефимов, «сейчас, после погружения мира в экономический кризис, вызванный дерегуляцией экономики, эти слова звучат воистину зловеще» [Ефимов 2011, 12].

Если на Западе основы конституционной экономики были заложены экономистами, то в России это направление позиционируется как междисциплинарное. Однако представляется, что российские юристы, занимающиеся конституционной экономикой, доверились идеям, подаваемым как аксиомы экономической науки, но в реальности являющимся лишь постулатами отдельных экономических школ, далеко не всеми экономистами разделяемых.

Так, подаются в качестве аксиом абсолютизация бездефицитного бюджета (идеология монетаристской школы) и доктрина независимости центральных банков [Конституционная экономика 2010, 139]. Последняя обосновывает выведение центральных банков из системы разделения властей и из числа подотчетных народу (суверену) органов власти под предлогом того, что «наука конституционного права должна “догонять” экономическую мысль, одновременно переоценивая многие традиционные доктрины, начиная с доктрины разделения властей» [Конституционная экономика 2010, 23]. Не исключая критического анализа классических доктрин, заметим: ради недоказанной экономической эффективности предлагается ограничить народ в возможности полноценного контроля за субъектом, по сути, являющимся властью. То есть конституционно-правовой вопрос о статусе ключевого финансового регулятора (монопольно осуществляющего ряд функций, находящихся по Конституции в ведении Российской Федерации, и издающего нормативно-правовые акты) решается не на основе конституционно-правовой логики организации публичной власти, а на основе доверия к экономистам, хотя и среди экономистов далеко не все разделяют такой подход. Заслуживает внимания позиция Г.Н. Андреевой, акцентирующей внимание на необходимости ревизии постулатов конституционной экономики «с целью выявления и пересмотра либо устранения слабых, не подтвержденных практикой догм» и приводящей в качестве примера концепцию независимости Центрального банка – идею, «которая была “продавлена” самими банками» [Андреева 2015, 6].

Другой пример: перенос экономистами – последователями Бьюкенена рыночного мышления на конституционно-правовую сферу влечет так называемую «маркетинговую государственного управления», предполагающую «многоаспектное распространение оснований коммерческой деятельности на сферу государственного управления» [Сильвестров 2009, 7], что выражается в переносе частно-правовых конструкций и терминов в публично-правовую сферу. Так, происходит получающая законодательное закрепление подмена государственных функций и полномочий «государственными услугами» (которые далее могут коммерциализироваться и т.д.) [Батчиков, Кара-Мурза 2013]. Возникает вопрос: не противоречат ли эти тенденции принципам «социального государства» и «экономического суверенитета» [Александрова 2015]?

Как же юристу-конституционалисту выбрать между методологией economics, политекономии и институционализма? Представляется, что методологически юристам ближе «классический институционализм» (включая разработки его современных продолжателей), в том числе «правовой институционализм» Дж. Коммонса, так как старые институционалисты «шли к экономике от права и политики, пытаясь изучать проблемы современной экономической теории методами других наук об обществе», а «неоинституционалисты идут прямо противоположным путем – изучают политологические и правовые проблемы методами неоклассической экономической теории» [Нуреев 2010, 195]. Конечно, есть соблазн для юриста посмотреть на то, чем он занимается, глазами экономиста, и создается иллюзия того, что подходящим инструментом для этого является неоинституционализм, но важно помнить, что неоинституциональный взгляд на право –

это взгляд не экономической науки в целом, но лишь неоклассической школы, критикуемой рядом авторитетных исследователей, включая нобелевских лауреатов по экономике Г. Мюрдаля, А. Сена, В. Леонтьева, Д. Тобина, Л. Клейна, Ф. Модильяни, Дж. Стиглица; академиков РАН Д.С. Львова, О.Т. Богомолова, С.Ю. Глазьева, бывшего завкафедрой экономической теории РАН С.С. Дзарасова и др.

Юристам же, занимающимся конституционным правом, наиболее близким направлением, представляется, может быть основанная на синтезе институционального (в целом, как мы показали, близкого юристам) и политэкономического (особенно близкого конституционалистам в силу важности анализа политического контекста в конституционном праве [Конституционное право 2012]) подходов «институциональная политическая экономия» [Буайе, Бруссо, Кайе, Фавро 2008], не приемлющая аксиому *mainstream*'а о безальтернативности рыночной системы (от которой отказывается ряд направлений политической экономии) и абсолютизацию *homo economicus* (от чего отказалась классическая институциональная школа) и представляющая один из вариантов объединения неортодоксальных экономических школ. В рамках данного направления и на его стыке с юридической наукой можно было бы развивать «политико-экономический анализ права» и «конституционную политическую экономию». Первый (в отличие от «экономического анализа права») мог бы не «измерять экономической методологией эффективность правовых норм», но отвечать на вопрос древнеримских юристов «*cui prodest?*», то есть – применительно к рассматриваемой тематике – в чьих экономических интересах осуществляется то или иное правовое регулирование, а также изучать влияние на правовую политику экономических интересов и анализировать вектор экономической политики на основе изменений в законодательстве. А в рамках «конституционной политической экономии» (в отличие от «конституционной экономики» не ограничивающейся узко рыночным подходом к государству) мог бы в том числе осуществляться анализ экономического суверенитета государства, поиск и выработка конституционно-правовых механизмов его обеспечения.

Ссылки – References in Russian

Александрова 2015 – Александрова О.А. Социальная политика в условиях социально-экономической и идейной десоверенизации // Народонаселение. 2015. № 4 (70), С. 17–32.

Андреева 2010 – Андреева Г.Н. К вопросу о понятии экономической конституции // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 7. С. 9–13.

Андреева 2016 – Андреева Г.Н. О мнимой неприемлемости термина «экономическая конституция» для российской науки конституционного права // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 5–5. С. 10–14.

Андреева 2015 – Андреева Г.Н. Размышления об особенностях становления российской теории конституционного регулирования экономических отношений // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 9. С. 3–11.

Бартоле 2004 – Бартоле С. Членство в Европейском Союзе, пересмотр Конституций и референдумы // Сравнительное конституционное обозрение. 2004. № 3 (48). С. 156–159.

Батчиков, Кара-Мурза 2013 – Батчиков С.А., Кара-Мурза С.Г. От здравоохранения к продаже медицинских услуг // Экономические стратегии. 2013. Том 15. № 3 (111). С. 14–19.

Блищенко, Дориа 2000 – Блищенко И.П., Дориа Ж. Экономический суверенитет государства. М., 2000.

Бондарь 2017 – Бондарь Н.С. Экономический конституционализм России: очерки теории и практики. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017.

Буайе, Бруссо, Кайе, Фавро 2008 – Буайе Р., Бруссо Э., Кайе А., Фавро О. К созданию институциональной политической экономии // Экономическая социология. 2008. Т. 9. № 3. С. 17–24.

Бузгалин, Колганов 2012 – Бузгалин А.В., Колганов А.И. Открытость политэкономии и империализм «Мэйнстрима»: экономикс как прошлое // Проблемы современной экономики. 2012. № 2. С. 41–47.

Василевич, Василевич 2015 – Василевич Г.А., Василевич С.Г. Конституционные основы имплементации международных договоров Республики Беларусь и норм интеграционного права. Минск: Право и экономика, 2015.

Ереклинцева 2010 – Ереклинцева Е.В. Суверенитет и демократия как конституционные ценности современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010.

- Ершов, Ашмарина, Корнев 2015 — *Ершов В.В., Ашмарина Е.М., Корнев В.Н.* Экономическое право как мегаотрасль российского права: его предмет и система // Государство и право. 2015. № 7. С. 5–16.
- Ершов 2005 — *Ершов М.В.* Экономический суверенитет России в глобальной экономике. М.: Экономика, 2005.
- Ефимов 2011 — *Ефимов В.М.* Дискурсивный анализ в экономике: пересмотр методологии и истории экономической науки // Journal of Economic Regulation. 2011. Том 2. № 3. С. 5–79.
- Ефимов 2013 — *Ефимов В.М.* От машин удовольствия к моральным сообществам (размышления над новой книгой Джеффри Ходжсона) // Journal of Institutional Studies. 2013. Том 5. № 2. С. 7–47.
- Ефремов 2017 — *Ефремов А.А.* Защита государственного суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве: монография. М.: Норма, 2017.
- Интеграционное право 2015 — Интеграционное право в современном мире: сравнительно-правовое исследование / Отв. ред. С.Ю. Кашкин. Москва: Проспект, 2015.
- Интернационализация 2017 — Интернационализация конституционного права: современные тенденции: монография / Под ред. Н.В. Варламовой и Т.А. Васильевой. М.: ИПП РАН, 2017.
- Конституционная экономика 2010 — Конституционная экономика / Отв. ред. Г.А. Гаджиев. М.: Юстицинформ, 2010.
- Конституционное право 2012 — Конституционное право и политика: Сборник материалов Международной научной конференции: Юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 28–30 марта 2012 года / Отв. ред. Авакьян С.А. М.: Юрист, 2012.
- Концепция 2008 — Концепция «экономической конституции»: Современные исследования: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Андреева Г.Н. М., 2008.
- Королев 2017 — *Королев С.В.* Краткая история экономических учений в фокусе теории права: монография. М.: Юстицинформ, 2017.
- Марченко, Дерябина 2017 — *Марченко М.Н., Дерябина Е.М.* Европейский союз: настоящее и будущее: сравнительное теоретико-правовое исследование. М.: Проспект, 2017.
- Мирошник 2016 — *Мирошник С.В.* Экономическое право в системе российского права // Вопросы экономики и права. 2016. № 91. С. 12–14.
- Мозолин, Баренбойм 2009 — *Мозолин В.П., Баренбойм П.Д.* Гражданский кодекс как «экономическая конституция страны»? // Законодательство и экономика. 2009. № 4. С. 5–8.
- Московский 2013 — *Московский А.И.* Современные экономические институты и сравнительный анализ теоретических парадигм // Вопросы политической экономии. 2013. № 2 (7). С. 109–120.
- Нуреев 2010 — *Нуреев Р.М.* Очерки по истории институционализма. Ростов-на-Дону: Содействие — XXI век, 2010.
- Пастухова 2013 — *Пастухова Н.Б.* Государственный суверенитет: история и современность. М.: Аспект Пресс, 2013.
- Познер 2004 — *Познер Р.* Экономический анализ права / пер. с англ.; под ред. В.Л. Тамбовцева. СПб.: Экономическая школа, 2004.
- Сильвестров 2004 — *Сильвестров С.Н.* Глобализация: политико-экономические вызовы для России // Россия в глобализирующемся мире: политико-экономические очерки / Отв. ред. академик Д.С. Львов. М.: Наука, 2004.
- Сильвестров 2009 — *Сильвестров С.Н.* Мировой экономический кризис и формирование новой архитектуры глобальной экономики // Вестник Финансового университета. 2009. № 2. С. 5–11.
- Талапина 2004 — *Талапина Э.В.* О публичном экономическом праве // Журнал российского права. 2004. № 7. С. 85–98.
- Уитц, Шайо 2018 — *Уитц Р., Шайо А.* Суверен наносит ответный удар: судебная перспектива многоуровневого конституционализма в Европе // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 1 (122). С. 33–53.
- Умнова 2006 — *Умнова И.А.* Международное и конституционное право: теория и практика взаимодействия. М.: Формула права, 2006.
- Умнова (Конюхова) 2016 — *Умнова (Конюхова) И.А.* Конституционное право в диалектике развития правовой системы и процессы глобализации // Право в условиях глобализации: Новые научные подходы и практики: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Алферова Е.В. М., 2016. С. 62–76.
- Хабермас 2013 — *Хабермас Ю.* Эссе к конституции Европы. М., 2013.
- Чиркин 2015 — *Чиркин В.Е.* Наднациональное право и государственный суверенитет (некоторые проблемы теории). М.: Норма: ИНФРА-М, 2015.
- Чиркин 2016 — *Чиркин В.Е.* О терминах «экономическая конституция» и «конституционная экономика», а также о российской и западной науке (отклик на статью Г.Н. Андреевой) // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 3. С. 11–13.

On the Issue of Interdisciplinary Directions for Analysis of Problems of Economic Sovereignty of the State

Oleg Yu. Boldyrev

In the article two types of interdisciplinary directions are considered: directions at the intersection of constitutional and international law and directions at the intersection of economic science and jurisprudence, including directions at the intersection with the constitutional-legal science. It is concluded that "law & economics" ("economic analysis of law") and "constitutional economics", claiming to analyze the law using economic methodology, reduce the understanding of the economic methodology only to the "mainstream" methodology. It is shown that for lawyers the so-called "classical" institutionalism is the methodologically most close direction of economic science. And for constitutional lawyers "institutional political economy" is the most close direction. It's proposed to develop a "political and economic analysis of law" (as a methodological alternative to "economic analysis of law") and "constitutional political economy" (as a methodological alternative to the "constitutional economics") in framework of "institutional political economy".

KEY WORDS: economic sovereignty, the integration law, economic law, legal institutionalism, constitutional political economy.

BOLDYREV Oleg Yu. – DSc in Law, Department of Constitutional and Municipal Law, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University.

oleg211291@bk.ru

Received at August 10, 2018.

Citation: Boldyrev, Oleg Yu. (2018) "On the Issue of Interdisciplinary Directions for Analysis of Problems of Economic Sovereignty of the State", *Voprosy Filosofii*, Vol. 12 (2018), pp. 58–68.

DOI: 10.31857/S004287440002584-7

References

- Aleksandrova, Olga A. (2015) "Social Policy under the Conditions of the Socio-economic and Ideological Desovereignization", *Population*, Vol. 70, No 4, pp. 17–32 (in Russian).
- Andreeva, Galina N. (2010) "Regarding the Concept of the Economic Constitution", *Constitutional and Municipal Law*. Vol. 7 (2010), pp. 9–13 (in Russian).
- Andreeva, Galina N. (2015) "Thinking about Peculiarities of Formation of the Russian Theory of Constitutional Regulation of Economic Relations", *Constitutional and Municipal Law*, Vol. 9 (2015), pp. 3–11 (in Russian).
- Andreeva, Galina N. (ed.) (2008) *Concept of the "Economic Constitution": Modern Studies*, ISSS RAS, Moscow (in Russian).
- Andreeva, Galina N. (2016) "On the Alleged Unacceptability of the Term 'Economic constitution' for the Russian Science of Constitutional Law", *Current Trends in the Development of Science and Technology*, Vol. 5–5 (2016), pp. 10–14 (in Russian).
- Avakyan, Suren A. (ed.) (2012) *Constitutional Law and Politics: Proceedings of the International Scientific Conference: Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University, March 28–30, 2012*, Jurist, Moscow (in Russian).
- Bartole, Sergio (2004) "Membership in the European Union, Constitutional Review and Referenda", *Comparative Constitutional Review*, Vol. 3 (48), pp. 156–159 (in Russian).
- Batchikov, Sergey A., Karamurza, Sergey G. (2013) "From Health Care to the Sale of Medical Services", *Economic Strategies*, Vol. 15, No. 3 (111), pp. 14–19 (in Russian).
- Blischenko, Igor N., Doria, Jose (2000) *Economic Sovereignty of the State*, RUDN, Moscow (in Russian).
- Bondar, Nicolay S. (2017) *Economic Constitutionalism in Russia: Essays on Theory and practice*, Norma, Moscow (in Russian).

- Boyer, Robert, Brousseau, Eric, Caillé, Alain, Favereau, Olivier (2007) “Vers une autre science économique (et donc un autre monde)?”, *La Revue du MAUSS*, No. 30.
- Buzgalin, Aleksandr V., Kolganov, Andrey I. (2012) “Openness of Political Economy and Mainstream Imperialism: Economics as the Past”, *Problemy Sovremennoy Ekonomiki*, Vol. 2 (2012), pp. 41–47 (in Russian).
- Chirkin, Veniamin E. (2015) *Supranational Law and State Sovereignty (Some Problems of Theory)*, Norma, Moscow (in Russian).
- Chirkin, Veniamin E. (2016) “On ‘Economic Constitution’ and ‘Constitutional Economy’ Terms and on the Russian and Western Science (the Response to G.N. Andreev’s Article)”, *Constitutional and Municipal Law*, Vol. 3 (2016), pp. 11–13 (in Russian).
- Efimov, Vladimir M. (2011) “Discursive Economics: Methodology and History of Economics Reconsidered”, *Journal of Economic Regulation*, Vol. 2, No 3 (2011), pp. 5–79 (in Russian).
- Efimov, Vladimir M. (2013) “From Pleasure Machines to Moral Communities (Reflections on a New Book by Jeffrey Hodgson’s)”, *Journal of Institutional Studies*, Vol. 5, No. 2 (2013), pp. 7–47 (in Russian).
- Efremov, Alexey A. (2017) *Protection of State Sovereignty of the Russian Federation in the Information Space: Monograph*, Norma, Moscow (in Russian).
- Ereklintseva, Elena V. (2010) *Sovereignty and Democracy as Constitutional Values of Modern Russia: Abstract, dis. ... CSc in Law*, Chelyabinsk (in Russian).
- Ershov, Mikhail V. (2005) *Economic Sovereignty of Russia in the Global Economy*, Ekonomika, Moscow (in Russian).
- Ershov, Valentin V., Ashmarina, Elena M., Kornev, Viktor N. (2015) “Economic Law as Megabranch Russian Law: the Subject and the System”, *State and Law*, Vol. 7 (2015), pp. 5–16 (in Russian).
- Gadjyev, Gadis (ed.) (2010) *Constitutional Economics*, Justicinform, Moscow (in Russian).
- Habermas, Jürgen (2011) *Zur Verfassung Europas. Ein Essay*, Suhramp Verlag, Berlin.
- Halberstam, Daniel (2012) “Local, Global and Plural Constitutionalism: Europe Meets the World”, *The Worlds of European Constitutionalism*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, pp. 150–202.
- Kashkin, Sergey Yu. (ed.) (2015) *Integration Law in the Modern World: Comparative Legal Research*, Prospect, Moscow (in Russian).
- Korolev, Sergey V. (2017) *Brief History of Economic Doctrines in the Focus of Legal Theory*, Justicinform, Moscow (in Russian).
- Marchenko, Mikhail N., Deryabina, Yekaterina M. (2017) *The European Union: the Present and the Future: a Comparative Theoretical and Legal Study*, Prospekt, Moscow (in Russian).
- Miroshnik, Svetlana V. (2016) “Economic Law in the System of Russian Law”, *Economic and Law Issues*, Vol. 91, pp. 12–14 (in Russian).
- Moscowskiy, Aleksandr I. (2013) “Modern Economic Institutions and Comparative Analysis of the Theoretical Paradigms”, *The Issue of Political Economy*, Vol. 2 (7), pp. 109–120 (in Russian).
- Mozolin, Viktor P., Barenboim, Pyotr D. “The Civil Code as the ‘Economic Constitution of the Country?’”, *Legislation and Economics*, Vol. 4 (2009), pp. 5–8 (in Russian).
- Nureyev, Rustem M. (2010) *Essays on the History of Institutionalism*, Sodeystvie –XXI vek, Rostov-on-Don (in Russian).
- Pastukhova, Nadezhda B. (2013) *State Sovereignty: History and Modernity*, Aspect Press, Moscow (in Russian).
- Posner, Richard A. (1998) *Economic Analysis of Law*, Fifth Edition, Aspen Publishers, US.
- Sajy, András, Uitz, Renáta (2018) “The Sovereign Strikes Back: The Judicial Perspective of Multilevel Constitutionalism in Europe”, *Sravnitelnoe Konstitutsionnoe Obozrenie*, 1 (122), pp. 33–53 (in Russian).
- Silvestrov, Sergey N. (2004) “Globalization: Political and Economic Challenges for Russia”, *Russia in a Globalizing World: Political and Economic Essays*, Nauka, Moscow (in Russian).
- Silvestrov, Sergey N. (2009) “The World Economic Crisis and Formation of a New Architecture of Global Economy”, *Vestnik Finansovoy Akademii*, Vol. 2 (2009), pp. 5–11 (in Russian).
- Talapina, Elvira V. (2004) “On Public Economic Law”, *Journal of Russian Law*, Vol. 7 (2004), pp. 85–98 (in Russian).
- Umnova, Irina A. (2006) *International and Constitutional Law: Theory and Practice of Interaction*, Formula Prava, Moscow (in Russian).
- Umnova (Konyukhova), Irina A. (2016) “Constitutional Law in the Dialectics of the Development of the Legal System and the Processes of Globalization”, *Law in the Conditions of Globalization: New Scientific Approaches and Practices*, ISSS RAS, Moscow, pp. 52–76 (in Russian).
- Varlamova, Natalya V., Vasilieva, Tatyana A. (eds) (2017) *Internationalization of Constitutional Law: Modern Trends: a Monograph*, ISL RAS, Moscow (in Russian).
- Vasilevich, Grigory A., Vasilevich, Sergey G. (2015) *Constitutional Bases for the Implementation of International Treaties of the Republic of Belarus and the Norms of Integration Law*, Law and Economics, Minsk (in Russian).
- Wiener, Antje, Lang, Anthony F., Tully, James, Maduro, Miguel P., Kumm, Mattias (2012) “Global Constitutionalism: Human Rights, Democracy and the Rule of Law”, *Global constitutionalism*, Vol. 1, № 1. pp. 1–15.
- Zhongying, Pang (2005) *Globalization vs. Economic Sovereignty*, <http://yaleglobal.yale.edu/content/globalization-vs-economic-sovereignty>.